

ХОДЯЧИЕ МЕРТВЕЦЫ

ДОРОГА В ВУДБЕРИ

РОБЕРТ КИРКМАН
ДЖЕЙ БОНАНСИНГА

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Джилли (*L'amore della mia vita*).

Джей Бонансинга

Всем тем, кто годами позволял мне выглядеть

более талантливым, чем на самом деле:

Чарли Адларду, Кори Уолкеру, Райану Оттли, Джейсону

Ховарду и, само собой,

мистеру Джею Бонансинге.

Роберт Кифкман

ЧАСТЬ 1

На рассвете алого дня

Жизнь ранит гораздо сильнее, чем смерть.

Джим Моррисон

Глава первая

Никто на поле не слышал, как кусачие пробирались между высокими деревьями.

Металлический звон палаточных колышков, входящих в холодную, неподатливую глину Джорджии, заглушал шаги в отдалении — до захватчиков оставалось еще добрых пятьсот ярдов¹, они были скрыты в тени сосен. Никто не слышал, как трещали ветки под северным ветром или как предательски разносились во тьме гортанные стоны, столь же слабые, как крики гагар в верхушках деревьев. Никто не чувствовал распространявшегося смрада гниющего мяса и черной плесени в маринаде испражнений. Полуденный ветерок разносил осенние запахи древесного дыма и перезрелых фруктов, и они скрадывали вонь ходячих мертвецов.

И в результате некоторое время ни один из жителей растущего поселения не замечал *надвигавшейся* опасности — большинство выживших было занято возведением опорных балок. В ход шли любые предметы, которые удалось отыскать: железнодорожные шпалы, телефонные столбы и длинные ржавые куски арматуры.

— От меня никакого толку!.. — заметила хрупкая девушка с хвостиком, раздраженно вздохнув. Она неуклю-

¹ Яр д — британская мера длины, примерно 91 см. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

же присела на корточки около квадратного куска забрызганного краской палаточного брезента, разложенного на земле в северо-западном углу площадки. На ней была просторная толстовка с эмблемой Технологического института Джорджии, старинные украшения и рваные джинсы, и она дрожала. Румяная, веснушчатая Лилли Коул, в длинные темно-каштановые локоны которой были вплетены легкие перышки, страдала от множества нервных тиков: она непрерывно теребила пряди своих волос, многократно заправляя их за уши, и время от времени с маниакальным упорством грызла ногти. Однако в этот момент она лишь крепче сжала молоток в своей маленькой руке и продолжила колотить по металлическому колышку, но боек все время соскальзывал со шляпки, словно та была смазана маслом.

— Все в порядке, Лилли, просто расслабься, — произнес здоровяк, стоявший позади нее.

— Да с этим справится даже двухлетка!

— Хватит казнить себя.

— О, я вовсе не себя хочу казнить! — Она нанесла еще несколько ударов, держа молоток двумя руками. Колышек не сдвинулся с места. — А этот идиотский колышек!

— Ты неправильно держишь молоток.

— Что?

— Сдвинь руку к концу рукоятки, позволь инструменту работать.

Последовало еще несколько ударов.

Колышек вылетел из твердой земли, подскочил и приземлился ярдах в трех в стороне.

— Черт возьми! *Черт возьми!* — Лилли ударила молотком по земле, опустила глаза и выдохнула.

— Все в порядке, девочка, давай я тебе покажу.

Здоровяк подошел к ней, встал на колени и попытался аккуратно вынуть молоток у нее из рук. Лилли отшатнулась, отказываясь отдавать инструмент.

— Дай мне минутку, ладно? Я справлюсь, точно справлюсь, — упрямо сказала она, и под толстовкой напряглись ее узкие плечи.

Она взяла другой колышек и начала снова, нерешительно ударяя по металлической шляпке. Земля была тверда, как цемент. Октябрь выдался холодным, и пустые поля под Атлантой замерзли. Это, в общем-то, было не так уж плохо. Пока что твердая глина оставалась пористой и сухой, поэтому лагерь и решили разбить на этом месте. Приближалась зима, и группа уже больше недели обосновывалась здесь, обустраиваясь, подкрепляясь и обдумывая будущее — если, конечно, будущее у них вообще было.

— Тут, знаешь, нужно просто позволить молотку упасть на нее. — Крепкий афроамериканец, присевший рядом с Лилли, наглядно продемонстрировал это, взмахнув руками. Его ладони были так велики, что казалось, будто в них может целиком уместиться ее голова. — Гравитация на твоей стороне, заставь вес молотка работать.

Лилли сознательно старалась не смотреть на руку чернокожего мужчины, ходившую вверх и вниз. Даже сидя на корточках в джинсовой рубашке без рукавов и потрепанном стеганом жилете, Джош Ли Хэмилтон оставался весьма импозантным. Он был сложен, как защитник Национальной футбольной лиги: с монолитными плечами, могучими бедрами толщиной со ствол среднего дерева и мощной шеей, — и все же двигался довольно плавно. Его печальные глаза с длинными ресницами и густые брови, то и дело пытавшиеся подобраться ближе к лысеющей макушке, намекали на чуткость, которой от него вряд ли можно было ожидать.

— Совсем не сложно... Видишь? — Он показал снова, и его татуированный бицепс — огромный, как брюхо поросенка, — напрягся, когда он взмахнул воображаемым молотком. — Понимаешь, о чем я?

Лилли благоразумно не смотрела на орудующую руку Джоша. Она чувствовала себя немного виноватой всякий

раз, когда обращала внимание на его мускулы, его атлетичную спину, его широкие плечи. Несмотря на все время, проведенное вместе в этом земном аду, который некоторые из жителей Джорджии называли «Обращением», Лилли тщательно избегала нарушать границы близости с Джошем. Лучше бы их отношения остались платоническими, как у брата и сестры, как у лучших друзей, — и ничего более. Лучше бы они были лишь соратниками — особенно среди этой чумы.

Но все это не мешало Лилли застенчиво улыбаться здоровяку всякий раз, когда он называл ее «подругой» или «куколкой», или каждый вечер, перед тем как залезть в свой спальный мешок, украдкой показывать ему китайский иероглиф, вытатуированный у нее над копчиком. Не соблазняла ли она его? Не манипулировала ли им, чтобы быть под защитой? Ответа на эти риторические вопросы по-прежнему не было.

Из-за угольков страха, вечно тлевших где-то внутри Лилли, все этические и социальные нормы потеряли для нее значение. Страх, в общем-то, преследовал ее большую часть жизни, то исчезая, то появляясь вновь. В школе у нее развилась язва, а во время ее прерванной учебы в Технологическом институте Джорджии ей приходилось принимать транквилизаторы. Но теперь страх постоянно сидел внутри нее. Страх отравлял ее сон, туманил разум, сдавливал сердце. Страх стал ее движущей силой.

Теперь она сжала молоток слишком крепко, и на ее запястье затрепетала жилка.

— О черт, это ж не высшая математика! — воскликнула она и в конце концов начала правильно орудовать инструментом и яростно забила колышек в землю. Она взяла еще один, перешла к противоположному углу палатки и прямо сквозь брезент вогнала металл в землю, колотя по нему безумно, дико, попадая по шляпке лишь через раз. Пот потек по ее щеи и бровям, но она все наносила удары. На мгновение она потеряла контроль над собой.

Наконец она в изнеможении остановилась; ее дыхание стало тяжелым, а кожа заблестела от пота.

— Что ж... Можно и так, — мягко сказал Джош, поднимаясь на ноги. Он бросил взгляд на шесть колышков, пригвоздивших палатку к земле, и на его точеном коричневом лице проскользнула усмешка. Лилли промолчала.

Зомби, незамеченными пробиравшиеся среди деревьев на север, теперь были всего в пяти минутах от них.

Ни один из выживших из группы Лилли Коул — а их было уже около сотни, и все они неохотно сотрудничали друг с другом, чтобы создать хоть сколько-нибудь сносную общину, — не осознавал фатального недостатка этого пустого участка, на котором они разбили свои самодельные палатки.

На первый взгляд место казалось идеальным. Участок был расположен в зеленом районе в пятидесяти милях¹ к югу от города — там, где когда-то каждый год выращивались тысячи тонн персиков, груш и яблок, — и находился в естественном углублении; трава здесь была выжжена, а земля утрамбована. Размером участок был с футбольное поле; прежние хозяева — вероятно, те же, что владели окрестными фруктовыми садами, — его покинули. По сторонам его ограничивали широкие гравийные дорожки, вдоль которых стояли густые заросли белых сосен и виргинских дубов, простиравшиеся на все холмы в округе.

В северной части поля виднелись обгоревшие руины большого поместья. Почерневшие стены выделялись на фоне неба, подобно окаменелым скелетам, а все стекла оказались выбиты недавним ураганом. За последние несколько месяцев пожары уничтожили большую часть пригородов и ферм к югу от Атланты.

¹ М и л я — британская мера длины; в одной сухопутной миле 1609 м.

В августе, когда люди впервые встретились с ходячими трупами, овладевшая Югом паника разрушила всю инфраструктуру экстренной помощи. Больницы быстро оказались переполненными, а затем и вовсе закрылись, пожарные части прекратили свою работу, а шоссе I-85 встало из-за аварий. Люди перестали ловить радиосигнал на своих питавшихся от батареек радиоприемниках и начали запасаться необходимым, мародерствовать, объединяться в группы и искать укромные места, где можно было затаиться.

Собравшиеся на этой покинутой ферме люди нашли друг друга на пыльных проселочных дорогах, среди лоскутных табачных полей и пустынных торговых центров в округах Пайк, Ламар и Мериуэдер. Все они были разного возраста, включая более дюжины семей с маленькими детьми, и караван еле ворочавшихся на последнем издыхании машин все рос, пока необходимость найти убежище и сделать передышку не вышла на первый план.

Теперь они обосновались на этом гектаре свободной земли, напоминая какой-нибудь Гувервилль¹ времен Великой депрессии. Некоторые жили в машинах, другие устроились в мягкой траве, третьи укрылись в небольших походных палатках, разбитых ближе к границам участка. У них было мало огнестрельного оружия и очень мало боеприпасов. Оружием теперь служили все элементы цивилизованной жизни: садовые инструменты, спортивные принадлежности, кухонная утварь. Многие выжившие, подгоняемые какими-то невидимыми и неведомыми часами, по-прежнему забивали колышки в холодную неровную землю, работая не покладая рук в стремлении создать временные убежища. И никто не заметил угрозы, надвигающейся меж сосен с севера.

¹ Гувервилль — трущобы, в которых жили бездомные и разорившиеся люди во времена Великой депрессии в США; названы по имени президента США Герберта Гувера.

Под гигантским куском брезента в самом центре участка один из поселенцев, долговязый мужчина за тридцать в кепке с логотипом фирмы «Джон Дир»¹ и кожаной куртке, руководил собравшейся внутри группой угрюмых подростков. Огромная тканевая палатка отбрасывала тень на крупные черты его лица.

— Давайте, дамы, постарайтесь! — крикнул он поверх звона металла, наполнявшего прохладный воздух.

Подростки пытались одолеть массивную деревянную балку, которая должна была стать центральной опорой большого циркового шатра. Этот шатер они нашли на шоссе I-85: он валялся на обочине рядом с перевернутым грузовиком, на кабине которого был нарисован гигантский выцветший клоун — краска в нескольких местах облупилась. Окружность шатра составляла более ста ярдов, и этот грязный и рваный купол, вонявший плесенью и навозом, по мнению мужчины в кепке с логотипом «Джон Дир», мог послужить прекрасной кровлей для организации общей зоны и хранения припасов, а также стать чем-то вроде штаба, из которого можно было следить за порядком и создавать видимость цивилизованного существования.

— Слышь... Она не выдержит веса, — пожаловался один из подростков, разгильдяй по имени Скотт Мун, одетый в армейскую куртку. Его лицо обрамляли длинные светлые волосы, а его тяжелое дыхание выдавало, как нелегко ему приходилось сейчас вместе с другими татуированными и исколотыми пирсингом ребятами-готами из его школы.

— Прекрати ныть — все она выдержит, — резко оборвал его мужчина в кепке.

Это Чад Бингэм, он поселился здесь вместе со всей семьей, включая четырех дочерей: малышку семи лет, девятилетних близняшек и девочку-подростка. Он был несчастливо женат на кроткой миниатюрной женщине из

¹ Американская машиностроительная компания, специализирующаяся на сельскохозяйственной и строительной технике.

Валдосты и мнил себя ярым сторонником строгой дисциплины, прямо как его отец. Но у отца его было двое сыновей, и ему никогда не приходилось иметь дело с женским сумасбродством. А если уж на то пошло, отцу Чада никогда не приходилось иметь дело и с мешками гниющей мертвой плоти, возродившимися после смерти. Поэтому теперь Чад Бингэм встал у руля, примеряя на себя роль альфа-самца, ведь, как говаривал его отец, *кому-то все равно пришлось бы*. Он посмотрел на ребят:

— Держите ровно!

— Вот так — ровнее не будет, — пробормотал один из готов сквозь стиснутые зубы.

— Да ты просто окосел! — ухмыльнулся Скотт Мун.

— Держите ровно! — приказал Чад.

— Что?

— Я сказал, держите проклятую палку **РОВНО!**

Чад вставил металлический шплинт в отверстие на бруссе. Внешние стены огромного брезентового балдахина заколыхались на осеннем ветру и зашуршали, а другие ребята устремились в дальние углы шатра с балками поменьше.

Как только шатер обрел форму и через широкий вход с одного его конца Чаду стал виден весь участок, он посмотрел вдаль поверх примятой коричневой травы, за машины с открытыми капотами, за группки матерей и детей, пересчитывавших скромные запасы ягод и остатков еды из торговых автоматов, за полдюжины пикапов, забитых пожитками.

На секунду глаза Чада встретились с глазами крупного темнокожего парня, стоявшего ярдах в тридцати от него, в северном углу участка, и наблюдавшего за Лилли Коул, подобно громадному вышибале какого-то клуба под открытым небом. Чад знал Лилли по имени — и только. Больше ему ничего не было известно об этой девушке — разве только, что она была «какой-то подружкой Меган», — а о здоровяке известно было и того меньше. Чад вот уже несколько недель жил по соседству с этим гигантом, но не в

силах был даже вспомнить его имя. Джим? Джон? Джек? В общем-то, Чад не знал ничего ни о ком из этих людей, понимая лишь, что все они были доведены до отчаяния и напуганы и просто молили об установлении дисциплины.

Однако уже некоторое время Чад периодически обменивался многозначительными взглядами с черным здоровяком — так они приглядывались друг к другу, проводили оценку. Они не обменялись ни словом, но Чад чувствовал, что вызов уже брошен. Здоровяк, может, и одолел бы Чада врукопашную, но так далеко Чад заходить не собирался. Размер не имел значения для пули 38-го калибра, которая покоилась в стальном «смит-вессоне» 52-й модели, засунутом сзади за широкую портупею Чада.

Но в этот момент между двумя мужчинами, находившимися в пятидесяти ярдах друг от друга, проскользнула искра понимания, подобная молнии. Лилли по-прежнему стояла на коленях перед черным здоровяком, ожесточенно колотя по колышкам палатки, но во взгляде парня, обращенном к Чаду, промелькнуло нечто темное и тревожное. Понимание пришло быстро, в несколько этапов, подобно зажиганию электрической цепи.

Позже оба мужчины независимо друг от друга решили, что они — как и все остальные — не учли два фактора, имевших в тот момент громадное значение. Во-первых, шум установки палаток целый час привлекал ходячих. Во-вторых, что, возможно, важнее, участок обладал одним серьезным недостатком.

Впоследствии оба мужчины с горечью поняли, что естественный барьер, образованный расположенным поблизости лесом, который поднимался на вершину соседнего холма, из-за неудачной топографии гасил, глушил и практически убивал любой естественный звук, исходивший из-за деревьев.

В общем-то, с вершины этого холма мог спуститься хоть школьный оркестр, но никто из поселенцев не заметил бы его, пока тарелки не ударили бы прямо у него под носом.

Несколько минут Лилли оставалась в счастливом неведении об атаке, хотя события вокруг нее разворачивались с огромной скоростью и стук молотков сменялся раздававшимися со всех сторон криками детей. Лилли продолжала со злостью вбивать колышки в землю, ошибочно принимая визг за детскую игру, пока Джош не схватил ее за ворот толстовки.

— Что?.. — огрызнулась Лилли, сверкнув глазами в сторону здоровьяка.

— Лилли, надо...

Джош не успел закончить, увидев ярдах в четырех от них темную фигуру, которая, неуклюже пошатываясь, вышла из леса. Времени, чтобы убежать, чтобы спасти Лилли, не осталось: Джош успел лишь выхватить молоток из рук девушки и оттолкнуть ее в сторону.

Лилли упала и практически инстинктивно перекувырнулась, а затем, сориентировавшись, снова вскочила на ноги, подавив крик, рвавшийся у нее из горла.

Первым к участку ковылял высокий бледный ходячий в грязной больничной одежде; у него не было половины плеча, а торчавшие из него сухожилия извивались, подобно червям. Но самым страшным было то, что за ним шли еще два трупа, мужчина и женщина. На их лицах зияли пропасти замшелых ртов, из бескровных губ сочилась черная желчь, а их безжизненные глаза смотрели в одну точку. Все трое передвигались уже знакомой неровной поступью, щелкая челюстями и, словно пираньи, обнажая почерневшие зубы.

Через двадцать секунд трое ходячих уже окружили Джоша, а палаточный лагерь пришел в движение. Мужчины хватали свои самодельные орудия, а те, у кого были пушки, тянулись к кобуре. Самые смелые из женщин вооружились досками, вилами, рогатинами и ржавыми топорами. Часть людей вместе с маленькими детьми укрылась в машинах и грузовиках; послышались удары кулаков по дверным замкам, захлопнулись все дверцы багажников.

Как ни странно, отдельные вскрики детей и нескольких престарелых тетюшек, которые уже, возможно, вступили в стадию старческого угасания, тут же стихли и сменились жутким спокойствием буровой бригады или добровольческой армии. Всего за двадцать секунд звуки удивления стремительно превратились в деловитую холодность обороны, отвращения и ярости, транслируемых в контролируемое насилие. Этим людям приходилось заниматься таким и раньше, и с каждым разом они становились все опытнее. Часть вооруженных мужчин вышла к границам участка, спокойно сжимая молотки, вставляя обоймы в дробовики и поднимая дула украденных из оружейных магазинов пистолетов и заржавевших револьверов, годами хранившихся в их семьях. Первым прозвучал сухой щелчок выстрела «ругера» 22-го калибра. Оружие было, как ни крути, не самым мощным, но точным и легким в обращении, и пуля снесла верхушку черепа мертвой женщины в тридцати ярдах от стрелявшего.

Женщина эта едва успела выйти из-за деревьев, как тут же упала, сраженная, и по ее голове тонкими ручейками потекла мозговая жидкость. Это произошло на семнадцатой секунде с начала атаки. К двадцатой секунде все завертелось куда быстрее.

В северном углу площадки Лилли Коул, поднявшись на цыпочки, медленно, словно в полусне, и практически невольно пятилась от Джоша. Ее инстинкты одержали верх: здоровяка быстро окружили три трупа, их челюсти с гнилыми черными зубами клацали совсем рядом, а в руках у него был лишь молоток и никакого пистолета.

Он повернулся к ближайшему зомби, пока остальная часть группы рассеялась по площадке, и вонзил острый конец молотка в висок ходячего в больничной одежде. Раздался треск, похожий на треск при колке льда. Во все стороны брызнуло мозговое вещество, с громким звуком вырвавшееся наружу из сдерживавшего его черепа, и бывший больной отключился.

Молоток застрял в его голове и выскользнул из большой руки Джоша, когда ходячий повалился на землю.

В это время остальные выжившие рассредоточились по углам площадки. У самой кромки леса Чад поднял свой обшитый сталью «смит-вессон» и с ревом выстрелил в глазницу долговязого старика с наполовину оторванной челюстью. Тот повернулся вокруг своей оси, сделал еще шаг в сторону лагеря и упал, залившись тошнотворными выделениями. Позади выстроенных в линию машин колышек палатки вошел в рот рычавшей женщины, пригвоздив ту к стволу дуба. На восточном краю площадки с той же легкостью, с которой разрезают надвое гранат, топор прорубил чей-то гниющий череп. В двадцати ярдах оттуда выстрел дробовика снес всю листву с ветки вместе с верхней половиной полуразложившегося бывшего бизнесмена.

На другой стороне площадки, по-прежнему отступая от попавшего в западню Джоша, Лилли Коул вздрагивала при каждом звуке этой смертельной битвы. Страх, будто иголками, колот все ее тело, не давая ей вздохнуть и полностью парализовав ее разум. Она видела, что темнокожий здоровяк теперь уже стоял на коленях и пытался высвободить свой молоток, а двое других ходячих, подобно паукам, протягивали руки к его ногам, сдерживаемые лишь упавшей палаткой. Второй молоток, до которого Джошу было не дотянуться, лежал на траве в отдалении.

Лилли развернулась и бросилась бежать.

Ей потребовалось меньше минуты, чтобы преодолеть расстояние от внешнего ряда палаток до центра площадки, где пара десятков беззащитных душ сгрудились в кучу около ящиков и запасов провизии, собранных под наполовину возведенным цирковым шатром. Двигатели нескольких стоявших неподалеку машин были заведены, и люди тонули в клубах углекислого газа. Женщин и детей защищали вооруженные мужчины, забравшиеся в кузова пикапов. Задыхаясь, Лилли в ужасе скорчилась за побитым чемоданом.

Там она и пересидела всю бойню, заткнув уши. Она не заметила, что у кромки леса Джош в последнее мгновение успел нащупать ручку застрявшего в черепе поверженно-го мертвеца молотка и вытащить его, тут же снова обрушив на голову ближайшего из атакующих. Она не увидела, как тупой конец молотка снес челюсть мужчины-зомби и как невероятной силы удар Джоша расколол гниющий череп надвое. Лилли пропустила и финальную часть схватки: женщина уже готова была вонзить свои черные резцы в лодыжку Джоша, но в эту секунду на ее затылок обрушилась лопата. Несколько мужчин подоспели к Джошу как раз вовремя, чтобы убить последнего зомби, и здоровяк поспешно откатился в сторону, оставшись без единой царапины, но все же дрожа от выплеска адреналина, побывав на волосок от смерти.

Вся атака — теперь отбитая и растворявшаяся в монотонных звуках детских всхлипов, капающих жидкостей и вырывавшихся на свободу трупных газов — заняла менее ста восьмидесяти секунд.

Позднее, перетаскивая останки в ложе пересохшего ручья к югу от площадки, Чад и другие вожаки этого лагеря насчитали всего двадцать четыре трупа ходячих — а с такой угрозой несложно было справиться. По крайней мере, пока.

— Боже, Лилли, неужели ты не можешь просто смириться с этим и извиниться перед ним?

Сидя на одеяле около циркового шатра, девушка по имени Меган смотрела на стоявший перед Лилли нетронутый завтрак.

В ясном небе только что взошло бледное и холодное солнце. В палаточном городке начался новый день, и Лилли сидела у походной плитки, потягивая растворимый кофе из бумажного стаканчика. Глядя на замерзшие остатки сухих яиц, прилипшие к котелку, она пыталась отогнать от себя пронизанные чувством вины воспоминания

о прошедшей ночи. В этом мире не было покоя ни усталым, ни трусливым.

Вокруг огромного изодранного циркового шатра — теперь должным образом установленного — сустились остальные выжившие, которые беспечно болтали, словно атаки накануне не было вовсе. Через широкий вход с одной стороны шатра, откуда когда-то, должно быть, на арену выходил дрессированный слон, люди заносили внутрь складные столы и стулья; полотняные стены трепетали на ветру из-за изменений атмосферного давления. На остальной части площадки возводились новые убежища. Отцы собрались в группу и принялись оценивать запасы дров, бутилированной воды, патронов, оружия и консервов. Матери занимались детьми, одеждой, одеялами и лекарствами.

При ближайшем рассмотрении искушенный наблюдатель заметил бы в каждом из предпринимавшихся на площадке действий слегка прикрытый налет беспокойства. Но неясно было, какая именно опасность таила в себе большую угрозу: живые мертвецы или наступавшая зима.

— Я пока не знаю, что сказать, — наконец пробормотала Лилли, в очередной раз глотнув чуть теплого кофе.

Ее руки по-прежнему тряслись. С момента атаки прошло восемнадцать часов, но Лилли все еще мучилась от стыда, избегая контактов с Джошем и держа все в себе, уверенная, что он ненавидел ее за то, что она сбежала и бросила его на верную гибель. Джош несколько раз пытался заговорить с ней, но она не была к этому готова и соврала ему, сказав, что плохо себя чувствует.

— А что тут скажешь?

Меган пошарила в кармане куртки в поисках своей маленькой трубки. Она пристроила на самый кончик щепотку травы и запалила ее дешевой зажигалкой, тут же сделав глубокую затяжку. Меган было около тридцати; ее узкое милое личико обрамляли локоны отливавших рыжиной каштановых волос. Закашлявшись, она выпустила из легких зеленоватый дым.

— Ты только взгляни на этого парня, он же огромный! — усмехнулась Меган. — Я только хочу сказать, что он вовсе не выглядит так, словно не смог бы постоять за себя.

— Дело ведь не в этом.

— Ты с ним спишь?

— Что? — Лилли уставилась на свою подругу. — Ты серьезно?

— Я просто спросила...

Лилли покачала головой и вздохнула:

— Да я этого даже не достойна...

— Нет, ты ведь не... Или да? Умничка Лилли! Правильная до мозга костей.

— Может, хватит?

— Почему же? — Усмешка Меган превратилась в хитрую ухмылку. — Что же ты не напрыгнешь на него? Чего ты ждешь? Такое тело... И все эти его пушки...

— Прекрати!

От ярости Лилли почувствовала резкую боль в районе переносицы. Чувства ее вышли на поверхность, она снова задрожала и сама удивилась громкости своего голоса.

— Я не такая, как ты... Понимаешь? Я не такая общительная. Боже, Мег! Я совсем запуталась. С которым из этих парней ты крутишь роман сейчас?

Меган внимательно посмотрела на нее, кашлянула и забила еще одну затычку.

— Знаешь что? — Она протянула трубку Лилли. — Почему бы тебе немного не успокоиться? Может, расслабишься?

— Нет, спасибо.

— А что? Поможет справиться с тем, что тебя гложет. Убьет ту несчастную муху, которая тебя укусила.

Лилли потеряла глаза и покачала головой:

— Ну ты и штучка, Мег.

Меган сделала еще одну затычку и выпустила дым.

— Лучше уж я буду этакой штучкой, чем куском дерьма.